

Если мы хотим быть состоятельным государством и хотим построить свою государственность в расчете на долгую и достойную перспективу, то нам надлежит осмыслить истоки нашей духовности.

Н. А. Назарбаев

Ким Л.М.

**О духовном единстве народов
Азии через восприятие
художественного слова
(на примере антологии
японской поэзии «Манъёсю»)**

В статье исследуется проблема духовного единства всего человечества, которая наиболее ярко проявляется в контексте восприятия такого важного источника духовности, как искусство, в частности художественное слово. Являясь читателем художественных произведений, человек творит свой собственный мир, что позволяет ему насыщать реальную жизнь экзистенциальным смыслом, создавать свое жизненное пространство и эффективно использовать личностные возможности для самоосуществления.

Фасцинирующее влияние поэзии на мировосприятие индивидом окружающего мира способствует формированию личностного пространства смыслообразования как среды саморазвития, это подтверждается примерами из антологии японской поэзии «Манъёсю». Подчеркивается, что народы Азии отличаются особым, уникальным духовным миром, и современная концепция «единой Азии» имеет право на существование.

Ключевые слова: духовность, духовное единство, среда смыслообразования, среда саморазвития, художественная выразительность.

Kim L.M.

**Spiritual Unity of Asian Nations
Through Perception of Art of
Declamation (using the example
of anthology of Japanese
poetry *Man'yeshu*)**

The article researches the problem of spiritual unity of the entire mankind which is explicitly demonstrated in the context of perception of such an important source of spirituality as art, in particular, the art of declamation. Reading works of art, an individual creates his own world that allows him to enrich real life with existential meaning, create his life space and effectively use his personal capabilities for self-realisation.

Fascinating influence of poetry on the way an individual perceives the world around him promotes creation of personal space of meaning-making as an environment for self-study. This is supported by examples of the anthology of Japanese poetry *Man'yeshu*. It is emphasized that Asian nations are distinguished by a special and unique inner world, and a modern concept of «Unified Asia» has a right to exist.

Key words: spirituality, spiritual unity, meaning-making environment, environment for self-development, artistic expression.

Ким Л.М.

**Көркем сөзді қабылдау
арқылы келетін Азия
халықтарының рухани
бірлігі туралы («Манъёсю»
жапон поэзиясының
антологиясы мысалында)**

Мақалада барлық адамзаттың рухани бірлігі мәселесі зерттеледі, ол руханилықтың маңызды қайнар көзі болып табылатын өнерді, оның ішінде көркем сөзді қабылдау аясында анық көрінеді. Адам көркем шығармаларды оқушы ретінде өзінің әлемін жасайды, бұл өз кезегінде адамға өмірін экзистенциалды мәнге толтыруға, өзінің өмірлік кеңістігін жасауға және өзін-өзі жетілдіру үшін тұлғалық мүмкіндіктерді тиімді қолдануға мүмкіндік береді.

Индивидтің қоршаған әлемді қабылдауына поэзияның фасциндік ықпалы өзіндік даму ортасының мән құраушы тұлғалық кеңістігінің қалыптасуына ықпал етеді, бұл «Манъёсю» жапон поэзиясының антологиясы мысалдарымен дәлелденеді. Азия халықтары ерекше, бірегей, рухани әлемге ие екендігі және «бүтін Азияның» қазіргі концепциясының болу құқығы көрсетіледі.

Түйін сөздер: руханилық, рухани бірлік, мән құраушы орта, өзіндік даму ортасы, көркем шығарма.

**О ДУХОВНОМ
ЕДИНСТВЕ НАРОДОВ
АЗИИ ЧЕРЕЗ
ВОСПРИЯТИЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО
СЛОВА
(на примере антологии
японской поэзии
«Манъёсю»)**

Современный мир характеризуется деструктивностью духа, что объясняется происходящими в нем переменами. Устрашающий характер духовного кризиса, который отражается на нашей действительности – акты терроризма, насилия и жестокости, наблюдаемые повсеместно, но что самое опасное – бездействие и безволие, социальная апатия, нежелание активно действовать и неверие в собственные силы. Эмоциональный дискомфорт создает у человека ощущение жестких рамок, «узкой колеи», где возможности ограничены, мечты несбыточны.

Возникает ощущение безальтернативности бытия, крайней детерминированности жизненного пути со стороны государства и общества. Сама жизнь становится будничной, тусклой, сверхдетерминация прошлым и будущим приводит к депрессии и хрононеврозу (страх безвозвратно ускользающего времени). Настоящее теряется, его как будто нет.

Только переживания таинства жизни поднимают человека над обыденностью, над скучной чередой будней, благодаря чему привычное окружение способно стать средой для развития своих возможностей.

Как создать реальное пространство экзистенциального смысла, поиска альтернатив и направленность человека на многовариантность и обогащение смыслов, на выход за пределы жесткой детерминированности жизни? Это касается всего современного человечества, независимо от того, где, в какой части света мы живем. Как известно, Запад всегда рационален, прагматичен и склонен к утилитаризму; Восток отличается созерцательностью, он мечтателен и погружен в себя, в свой внутренний мир. Несмотря на разницу в миропонимании и мировосприятии окружающего, и Восток и Запад объединяет то, что мы все – представители единого человечества, населяющего планету Земля, и, что наше внутреннее, духовное родство – главное интегративное свойство социального бытия в глобальных масштабах. Духовность для всего человечества сегодня понимается как условие, необходимое для его выживания и от того, какова степень зрелости духовных качеств и каков реальный духовный потенциал, зависит настоящее и будущее нашей планеты.

Понимание этого духовного единства всего человечества наиболее ярко проявляется в контексте осознания каждым человеком смысла жизни и своего предназначения.

Одним из важных факторов, способствующих созданию каждым индивидом личностного пространства смыслообразования как среды саморазвития является искусство. Это мощная сила, один из источников духовности. Рассмотрим подробнее данный вопрос.

Как отмечается в литературе по психологии, средой саморазвития личности является, прежде всего, сфера духовного самосовершенствования, в которой одну из главных ролей играет восприятие художественного слова (проза, поэзия).

Роль языка, речи в жизни человека неопределима. Передача информации, знаний, мыслей происходит с помощью языка. Современные теории и прикладные подходы, которые развиваются на западе, постепенно охватывают все человечество – теория трансактного анализа, нейролингвистическое программирование, манипулятивные технологии и др.

В данном контексте fascinating воздействие слова, речи на человека рассматривается как средство формирования среды саморазвития, поскольку оказывает сильное влияние на эмоции, чувства индивида, влияет на его восприятие окружающего.

В контексте создания среды саморазвития восприятие произведений искусства в жизни личности рассматривается как деятельность, которая создает особую среду мировосприятия и способствует возникновению нового пространства саморазвития за счет насыщения актуальности смыслом и потенцирования времени.

Одной из базовых потребностей личности является потребность в творчестве на протяжении жизни. Каждый человек – потенциально способен осуществлять креативную деятельность, в каждом из нас заложен мощный «заряд» творчества. Восприятие художественного произведения позволяет удовлетворить эту потребность в большей или меньшей степени, что зависит от каждой конкретной личности, ее интеллектуального развития, спектра духовных потребностей и психологических особенностей.

Искусство есть опыт бытия, того, что случилось, но и того, что еще не произошло. То есть, с одной стороны, оно представляет собой модель жизни, а, с другой – это великая тайна. Художественный образ виртуален, он остается в сознании субъекта восприятия, он незакончен, не воплощен, открыт. Тайна создает духовную атмосфе-

ру и феномены субъектности произведения, что дает возможность для духовной субъективации мира в целом. Следовательно, ключевым аспектом воздействия искусства на человека является загадочность его атмосферы, куда погружается субъект восприятия, что порождает глубинные психологические и духовные эффекты.

Создание атмосферы недосказанности и тайны – один из основных механизмов воздействия художественного произведения на человека. При восприятии художественных произведений человек вовлекается в создание своего мира, что позволяет ему насыщать жизнь экзистенциальным смыслом, создавать свое жизненное пространство и возможности для самоосуществления. Подчеркнем еще раз, что наиболее ярко это проявляется в литературе, в частности, поэзии. Поэзия позволяет «видеть незримое, выражать невыразимое, понимать непонятое, переживать не пережитое».

Анализ работ исследований по психологии развития (Л.С. Выготского и В.П. Зинченко) позволяет предположить возникновение на ранних стадиях онтогенеза особой области аффективной (впоследствии аффективно-смысловой) сферы жизни. Данная область иллюзорного владения миром, фантазии и мечтаний, эмоционального воображения, мнимой реальности, где все возможно и достижимо, где разрешаются конфликты, и над всем этим царит господство тайны. Эта иллюзорная, таинственная сфера внутреннего мира становится средой саморазвития, где рождается экзистенциальный смысл, который, в свою очередь, порождает пространство смыслов – пространство возможностей, опосредующее личный выбор и интимное вложение себя в каждый момент своего бытия.

В зрелые годы подобные переживания возникают спонтанно в моменты критической перестройки сознания (в экзистенциальные моменты, в ходе встречи с «другим Я») и осознанно – в творчестве, в любви, в эстетическом переживании волшебной магии искусства.

Обсуждая взгляды Г.Г.Шпета, русского философа, психолога на искусство как вид познания, В.П. Зинченко пишет: «Недосказанность характеризует любое произведение искусства и оставляет его тайну. Тем самым оно оставляет воспринимающему пространство или степени свободы для восполнения собственным переживанием, в котором может родиться свой собственный, «второй смысл» произведения... свободы угадывать заложенный художником смысл или конструировать свой собственный «второй»,

«третий» смысл... Именно эти «вторые смыслы» оказывают самое сильное влияние на его жизнь, ибо способны менять сам смысл человеческой жизни» [1, С. 343-344].

В. П. Зинченко также подчеркивает, что механизм претворения эмоций и смыслов остается тайной, но очевидно, что субъект художественного восприятия является сотворцом произведения искусства – он переживает мощные движения в своей душевной сфере (сфере чувств и смыслов), его творчество результируется чувством порождения смысла, т. е. чувством продвижения к цели и занимаемой позиции. Тем самым искусство создает духовную атмосферу и феномен субъективности сотворенного произведения. Это сотворчество заключается в «уподоблении» воспринимающего произведению в форме вчувствования как духовной практики, «в расширении самой жизни и формировании культурного самосознания» [Там же, С. 344]. «Воспринять, созерцать художественно, эстетически означает осуществить, завершить, найти себя в форме, найти свою продуктивную ценностно оформляющую активность, живо почувствовать свое созидательное предмет движение... В результате этой грандиозной работы эстетического восприятия наступает стадия вживления произведения в себя. Оно превращается из «чужого» в «чужое-свое», затем в «свое-чужое» и, наконец, в «свое» [Там же, С. 367]. В результате «важнейшими особенностями подлинного произведения искусства являются его недосказанность, множественность вариантов извлечения и толкования смысла, содержащаяся в нем тайна» [Там же, С. 368], которая провоцирует творческую работу субъекта художественного восприятия. Понимаемый таким образом процесс «включения» произведения в себя может быть рассмотрен как интериоризация среды саморазвития, существующая первоначально как нечто внешнее по отношению к субъекту, и постепенное ее превращение во внутреннее пространство саморазвития. «Окрашенная переживанием тайны работа над произведением искусства, а следовательно, работа с самим собой есть основная и важнейшая часть духовной практики, вносящая неоценимый вклад в оформление души и, соответственно, в подъем уровня духовной жизни» [Там же, С. 368].

Такое воздействие поэзии на человека отмечалось всегда, и оно не зависит от местожительства, менталитета, уровня развития культуры и т.п. Здесь главное – глубокий внутренний настрой и духовность, чем отличалась всегда зага-

дочная Азия. Хотя народы, языки и религии в Азии удивительно разнообразны, определенный культурный субстрат, духовный фундамент сохранился до наших дней и остается неизменным. Поэтому удивительное родство в понимании красоты поэтических строк, магическая насыщенность смысла и какая-то недоговоренность, недосказанность, то есть возможность интерпретировать художественное слово в различных вариантах, но в то же время и открытость характеризует и обуславливает уникальность Востока.

Попробуем подтвердить все вышесказанное на примерах из антологии японской поэзии «Манъёсю», несущих миру «таинственное очарование недосказанности».

Японская национальная поэзия – простая и сложная одновременно. Много веков подряд она волнует и очаровывает читателей, а ее недосказанность и загадочность, простота и легкость и в то же время глубина и серьезность заставляют по-иному взглянуть на мир, на себя, на отношения между людьми. В ней особенно ярко отражается неповторимое своеобразие мировоззрения островного государства.

«Манъёсю» («Собрание мириад листьев») – первая антология классической поэзии вака (和歌 – «японская песнь», жанр японской средневековой поэзии), обобщившая опыт поэтического творчества японского народа примерно за четыре века (самые ранние стихи датируются VI в.). По существу антология «Манъёсю» определила дальнейшее развитие японской поэзии, вслед за ней появились антология «Кокинвакасю» («Собрание старых и новых японских песен») и «Синкокинвакасю» («Новое собрание старых и новых японских песен»), каждая из которых является отражением конкретных исторических этапов развития японского общества.

Именно в «Манъёсю» (20 книг и 4496 песен) ярко проявился процесс перехода от песенной традиции к авторской поэзии, процесс рождения таких знаменитых творческих индивидуальностей, как Какиномото Хитомаро, Отомо Табито, Яmanoуэ Окура, Ямабэ Акахито, Касса Канакура, Отомо Саканэ, создавших свой особый мир, где все богатство духовной культуры того времени проявилось в уникальной поэтической форме. В антологии собраны и исторические, и любовные, и календарные, и семейно-бытовые, и трудовые, и обрядовые песни.

Склонность японцев к лаконичности, простоте и сдержанности в выражении чувств, но в то же время, к ёмкости, невероятной образности поэтических метафор, выявляется уже на

ранних этапах развития национальной поэзии. Каждое стихотворение – чисто личностное видение окружающей реальности, выражение интимных переживаний автора, его способность к рефлексии и эмпатии. Поэтому проникнуть в смысл вака, к сожалению, может не каждый, поскольку необходим огромный внутренний потенциал субъективно-чувственного, психологически-эмоционального восприятия мира, умение как бы «увидеть» изнутри то, что волнует душу творца, посмотреть на мир его глазами.

Хорошие люди, говоря: «Хорошо!»,
Умели смотреть хорошо,
И хорошим называли хорошее поле – Ёсику.
Хорошо же смотри на него!
Хорошие люди могут смотреть хорошо!

Отношение к природе занимает особое место в спектре многообразных связей человека с окружающей действительностью, они могут описываться как субъективная характеристика окружающего, когда объективная связь природы и личности находит отражение в ее внутреннем восприятии реальности. Увидев какой-нибудь красивый пейзаж, погрузившись в неповторимый и многообразный мир природы, удивляясь и восторгаясь окружающим, человек испытывает эйфорию, поэт пытается передать свои эмоции и переживания прекрасного другим людям посредством стихотворных строк.

Когда смотрю, как вниз несутся в пене
Потоки горные, мне кажется тогда:
Не жемчуг ли,
Рассыпавшись, смешался,
Ужели предо мной обычная река?

В такой попытке передать свои чувства, вызванные красотой горного потока, раскрывается удивительно тонкое понимание связи со всем живым, «благоговение перед жизнью» – особая этика, которой обладает личность с экоцентрическим сознанием (А.Швейцер).

Я в весеннее поле пошел за цветами,
Мне хотелось собрать там фиалок душистых,
И поля
Показались так дороги сердцу,
Что всю ночь там провел среди цветов до рассвета!

Единство человека с природой исключает разделение мира на субъект-человека и объект-природу. В результате стирается грань между тем, кто видит, и тем, что видится. Субъект и объект пребывают в состоянии синтеза, сердце

человека становится частью природы, а потому возможно непосредственное общение между ними. Слияние с природой, растворение в ней – миг прикосновения к вечности.

Кода бы вишен дивные цветы
Средь распростертых гор всегда благоухали
День изо дня,
Такой большой любви,
Такой тоски, наверно, мы не знали!

Для древних японских поэтов стихотворение было чем-то вроде заклинания, с помощью которого они хотели определенным образом воздействовать на действительность, изменить ее. Эта черта японской поэзии связана с особенностями отношений человека с окружающим миром. Наиболее точная формулировка единственно достойного отношения индивида к природе – утверждение человеческого начала в бесконечном космосе и космического в человеке.

О, если б жизнь моя и жизнь всех людей
Отныне стала б вечной на земле,
Как вечная скала,
Где льется водопад
В стране прекрасной – Ёсику!

Если европейские поэты воспринимали окружающий мир, природу как нечто отдельное от себя, созданное до человека и существующее вполне обособленно, японская поэзия, как впрочем, и вся японская культура, основана на нерасторжимом единстве человека и природы. Человек – часть природы, он не является кем-то высшим по отношению к ней, не противопоставлен ей и ни в коем случае не может считаться «мерилом всех вещей», он всего лишь маленькая песчинка Универсума, существование которой возможно лишь в процессе постоянного взаимодействия с остальными ей подобными и так же подвержен изменениям. Ведь нет ничего вечного в подлунном мире!

Жизнь моя!
Как хочу, чтобы ты длилась вечно!
Чтобы мог любоваться я
Малою речкой Киса,
Той, что видел в далекие годы.

Продлить свой век не для славы, не для богатства, а только для того, чтобы наслаждаться красотой – вот истина бытия.

Однако понимание конечности человеческого бытия не приводит к пессимизму, несмотря на то, что столько невзгод, горестей, несправедли-

ности существует в обычной рутине повседневности, что поэт мечтает стать нежным и ароматным цветком. Жизнь прекрасна и жизнь конечна – это закон природы, а краткость человеческого существования на земле в соотношении с вечностью мира – ничто.

О бренный мир!
Как много в нем тоски!
И чем томиться мне, влача удел печальный,
Хотел бы лучше стать простым цветком
Душистой белоснежной сливы!

В антологии «Манъёсю» встречаются строки и о том, что для человека, уставшего от тягот и забот серой и будничной жизни, осознающего быстротечность своего земного существования природа перестает быть источником наслаждения и утешения. Утрачивается способность наслаждаться и воспринимать красоту мира. Такой человек «потерян», жизнь его лишена смысла. Он страдает, мучительно размышляет о себе, о своем предназначении и своем будущем.

Грустна моя дорога на земле,
В слезах и горе я бреду по свету.
Что делать?
Ведь нельзя мне улететь:
Не птица я, и крыльев нету!

Гармония в отношениях человека с миром осознается как жизненно важная необходимость, она придает человеку духовные силы, помогающие ему стойко переносить все невзгоды и формирует его умение отрешиться от всего низменного, бренного, увидеть скрытое, познать непонятое и ориентирует на позитивное восприятие окружающего, несет в себе веру в бесконечность жизненного цикла.

Пусть тысячи веков
Приходят и уходят годы,
А белых слив цветы,
Конца не зная, снова
Здесь будут продолжать по-прежнему цвести!..

Слияние человека с природой утверждается во всех проявлениях жизни, все созданное людьми, становится одновременно и проявлением природного. Человек всего лишь один из многочисленных тварей земных, поющих свою песню, он ничуть не выше соловья или лягушки. Именно это обстоятельство во многом определило характер японской поэзии. Если в Европе поэзия была лишь одним из способов отражения действительности, в Японии, являясь посредником

между человеком и природой, она сделала возможным их общение, являлась средством достижения гармонии человека и окружающего мира.

У дома моего
Под персиком мохнатым
Ко мне проникли сквозь листву лучи луны,
И на душе так хорошо сегодня,
Совсем не так, как было до сих пор!

Западный поэт стремится либо описать в стихотворении свои чувства, часто прибегая к сравнениям из мира природы, либо отобразить какое-то поразившее своей красотой явление, одновременно описывая и возникшее у него при этом чувство, а японский поэт, как правило, ничего не описывает и не отображает, он творит новый мир, в котором индивидуально-личностное сплавлено с природным. В стихотворных строках осуществляется попытка выразить зыбко-человеческое через конкретно-природное.

Когда бы, как сейчас, всю жизнь
Мы чувства свежие
В сердцах своих имели,
У белых слив, что раньше всех цветут,
На землю б лепестки не облетели.

Мудрость, глубина, жизнеутверждающее начало японской поэзии привлекает к себе внимание и современного человека, вызывает трепетное отношение к поэзии древних японцев, затрагивает интимные струны человеческой души. Поэзия антологии «Манъёсю» – гимн вечной природе, который является не только выражением личностных переживаний, не только удивительно тонким восприятием естественной красоты окружающего мира, но и выражением истинной любви к родному краю, к своей стране.

Оттого ли, что живут здесь боги,
Все бы любовался
Этой красотой
Сколько ни гляжу,
Как мчатся водопады в дивном Ёсину,
Не наглядеться мне!

Эстетическая и этическая наполненность поэтических строк помогает понять уникальность мировоззрения, чуткое отношение ко всему живому, поклонение «единству многообразного», издревле присущие японскому народу. Проникаясь атмосферой вака, понимаешь, что антология «Манъёсю» являет собой пример вечного стремления человека выразить всю полноту своего существования, раскрыть цель и смысл

бытия посредством великого искусства – поэзии. Последняя выступает как своеобразный посредник между людьми (автором и читателем), который служит для того, чтобы запечатлеть прекрасное, она способна «остановить мгновение» и сохранить на века

Ночью черной, как черные ягоды тута,
Ясный месяц, по небу плывущий,
Прекрасен,
И, пока любовался я нежным сияньем
Вдруг упала роса на рукав белотканый...

Сама жизнь служит содержанием классической японской поэзии и мы видим, как близки заботы и чаяния людей, живших много веков назад к нам, живущим в XXI в. Это говорит о духовном родстве всего человечества, об особом духовном состоянии внутреннего мира индивида, который и есть культура. Поэтические строки способствуют саморазвитию и самопониманию, помогают в формировании среды саморазвития, что необходимо для совершенствования личностного Я.

Конкретно-исторические условия создания поэтических образов, уникальность психологического склада, менталитета древних японцев обусловили неповторимость и специфику японского стихосложения, где родились неповторимые и единственные в своем роде стихотворные формы (хокку, танка). Но это ни в коей мере не мешает нам, современным читателям, принять и понять глубокую содержательную наполненность японской поэзии; оценить ее красоту и лаконичность, восхищаться особой атмосферой созерцательной мечтательности и пронзительной точности выражения мыслей, чувств, эмоций.

Итак, для того чтобы произведение искусства могло способствовать непосредственному и непринужденному обогащению личностного опыта, оно должно характеризоваться недосказанностью, множественностью вариантов извлечения из него смысла, неоднозначностью его толкования. Оно всегда – загадка, тайна. В связи с этим подлинное произведение искусства всегда условно, и эта условность порождает множественность его толкований и переживаний, разрушает смысловые стереотипы и шаблоны, создавая тем самым особую среду понимания жизни в целом и самопонимания, самопознания, саморазвития. Поэтические произведения способны влиять на человека таким особым образом, вызывая в нем уникальные эмоции и чувства, которые общи для всех людей, которые подтверждают единство в восприятии и возможности эмпатии, проявления «чувства локтя» со всеми и с каждым в отдельности, независимо от цвета кожи и группы крови.

Азия в этом смысле представляет собой особый мир, где среда саморазвития и духовность неразрывно связаны между собой. Поэтическое мастерство японских поэтов прошлого убедительно демонстрирует «вечность» жизненных проблем и особое отношение к их решению, а также глубокое желание поделиться своими мыслями, надеждами и чаяниями, передать свое понимание мира другим поколениям.

Именно в этом, на наш взгляд, и заключается фундаментальный принцип понимания «единой Азии» как духовного, нравственно-эстетического начала, отражающего синкретичность мышления Востока и уникальность его мировоззрения.

Литература

- 1 Зинченко В.П. Психология доверия. – Самара: СИОКПП, 2001.
- 2 Маньёсю. – В 3-х т. – М.: Наука, 1972.

References

- 1 Zinchenko V.P. Psikhologiya doveriya.- Samara: SIOKPP, 2001.
- 2 Maneseu. – М.: Nauka.- v 3-kh t., 1972.